

Анна Михалевская

Цветы, которые взойдут

На третий день войны мама воткнула в землю одноразовые вилки.

– Паразит! – сказала она Лёве, расхаживающему по палисаднику. Кот оглянулся: по выражению морды было понятно – ему не стыдно.

Прошла неделя, за ней вторая. Тогда казалось – это слишком долго. Воздух, который успели вдохнуть до первой сирены, заканчивался. «Войне скоро конец», – так завершался каждый разговор. И не успев положить трубку или обняться, прощаясь, понимали – врем.

– Уезжайте, – говорили друзья. – Там нельзя оставаться.

Но мы остались.

Вместо того, чтобы собрать гипотетический чемодан в теоретическую эвакуацию, мама достала бабушкины столовые приборы и воткнула рядом с одноразовыми вилками.

Лева, Маркиза, Матильда и бог знает сколько еще безымянных дворовых котов ничего не имели против. По вечерам в унисон с сиреной они громко пели о любви и сражались за нее на клумбах нашего палисадника.

– Как они могут?! – чуть не плакала мама, оторвавшись от новостей и окинув хозяйским взглядом потери от кошачьих перепалок.

И было непонятно, говорит она о Харькове, Мариуполе или об испорченных луковицах каких-то редких тюльпанов.

Лева гулял по двору, поддевая лапой то камешек, то ветку. Хотелось играть – и не с кем. Хозяева Левы эвакуировались,

оставив общительного кота на попечение двора. Лева ел с Матильдой и Маркизой. Валялся у нас в палисаднике. Дразнил сорок, и те, собравшись стаей, с криками гнали его опять-таки по нашему забору.

– Уходи! – расстроено сказала Леве мама, вытаскивая из гаража обрезки труб и карнизов, осколки плитки и куски арматуры.

Начали появляться первые ростки, и она старательно оградила их всем этим добром. Палисадник ощетинился железом, как Дерibasовская ежами. В военное время это выглядело по-особенному правильно.

– Смотри! – я позвала мужа. – Первым расцвел крошечный тюльпан необычного бурого цвета.

– Вижу, – отозвался Саша. – Там, между радиаторным крюком и ржавой вилкой.

Мы учились наслаждаться красотой сквозь призму заградительных сооружений.

Просыпаясь ночью под вой тревоги, лежали без сна не шелохнувшись. Каждый думал, что другой спит. И каждый боялся пропустить момент, когда пора хватать гипотетический чемодан и бежать в бомбоубежище, от которого у нас нет ключа. Вместе и порознь мы слышали – коты носятся по палисаднику, наверняка сбивая на бегу все, что успело взойти.

Утром мама хватала кружку с водой – наше биологическое оружие! – и выплескивала ее на Матильду, Маркизу и иже с ними. Кружка была новая, с надписью «Many more happy returns of the day». Мы подарили ее перед войной, желая, конечно, совсем других returns.

Сдаваться не в маминых привычках – пришлось мастерить для забора сетку. Потеплело, работать на улице было приятно. Но время от времени мы вздрагивали и вжимали голову в плечи – в преддверии Дня Победы бомбили как никогда.

– Тревога, – на всякий случай сообщала я маме. Она возилась с пышным кустом хосты.

– Ну и что? – с вызовом сказала мама, не поднимая головы.

Я думала примерно так же.

Ненормальная семья – за три месяца войны мы так и не поняли, что складывать в чемоданы. Прячем свой страх в карманы

и вытрусиваем их в землю, из которой потом вырастает арматура. И упрямо отказываемся спасаться. Потому что хотим спастись только с этой землей...

Май набирал силу. Первый гром не узнали, молнии не поверили: думали, снова бомбят. Уже привыкли к высокоточному оружию. Которое точно поражало только здравый смысл.

Сетку завершили, и она закрыла весь забор – осталась небольшая лазейка между нашим и соседским палисадником. Мама устроилась рядом пересаживать бегонию, а Лева, просовывая лапу в просвет, играл ее косынкой.

– Не понимает, что он мне не нравится, – на сей раз мама улыбнулась.

И Лева сквозь все возведенные преграды тоже улыбался. На свой кошачий манер.

Я подошла к земле и начала потихоньку вынимать арматуру, потонувшую в буйном цветении тюльпанов и колокольчиков, клематиса и хосты, гортензий и розы, ирисов и левкоев. Всех цветов, которые взошли и которые еще только взойдут – посаженных нашими руками.

